

НИКАКИХ
ЗАПРЕТНЫХ
ТЕМ

**Читайте детективы Ольги Володарской!
В НИХ НЕТ ЗАПРЕТНЫХ ТЕМ!**

Кара Дон-Жуана
Последнее желание гейши
Хрустальная гробница Богини
Сердце Черной Мадонны
Король умер, да здравствует король
Принцип перевоплощения
Свидание с небесным покровителем
Клятва вечной любви
Ножницы судьбы
Неслучайная ночь
Подумай об этом завтра
Призрак большого города
Девять кругов рая
Страсть под чужим именем
Отвергнутый дар
Тайный дневник Лолиты
Лунный демон
Он бы отдал жизнь
Седьмая казнь
Две половинки темной души
Каждый день как последний
Гибельный голос сирены
Мемуары мертвого незнакомца
Дефиле над пропастью
Любовь как война
Красавица-чудовище
Нет дьявола во мне
Пикник на Млечном пути
Договор на одну тайну
Исповедь отшельника
Ответ перед высшим судом
Поединок с мечтой
Предпоследний круг ада
Земля перестанет вращаться
То ли ангел, то ли бес

Сериал «Сокровища князей Шаховских»

Его величество случай
Карма фамильных бриллиантов
Наш грешный мир

О Л Ь Г А

ВОЛОДАРСКАЯ

ПОСЛЕДНЕЕ ЖЕЛАНИЕ ГЕЙШИ

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
В68

Серийное оформление *С. Груздева*

Редактор серии *А. Антонова*

Володарская, Ольга.
В68 Последнее желание гейши / Ольга Володарская. —
Москва : Эксмо, 2019. — 384 с. — (Никаких запретных
тем! Остросюжетная проза О. Володарской).

ISBN 978-5-04-183681-8

Их было восемь... Восемь экзотических девочек. Самой шикарной среди них была Афродита. Прекрасная, как ее знаменитая тезка, она считалась лучшей из лучших в своем ремесле... Она и погибла первой! Афродиту застрелили в собственной постели, когда ее подруги и соседки Марго не было дома...

А вслед за ней убили еще одну девочку — Венеру...

Девушек осталось всего шесть. Но Марго чувствовала — будет и третья жертва...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-183681-8

© Володарская О., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

Часть 1

День первый

Митрофан

Старший следователь Митрофан Васильевич Голушко ненавидел сало. Ему не нравилось в нем все: вкус, вид, запах, даже звучание этого слова казалось ему отталкивающим. Еще он терпеть не мог вареники, не пил горилку, не ел борщ, а что такое галушки, представлял весьма отдаленно. Но, несмотря на это, все его коллеги были уверены в том, что старший следователь Голушко ни дня не может прожить без сала и прочих хохляцких радостей. И сколько бы он ни пытался доказать сослуживцам, что жиру убитой свиньи предпочитает сыр, а горилке квас, никто ему не верил. Именно поэтому на всех сабантуях, кои в следственном отделе проводились не реже одного раза в месяц, Митрофана сажали рядом с тарелкой «хохляцкого хлеба», а напротив него ставили «Немировскую перцовку». Всем казалось, что человек с такой фамилией и внешностью просто обязан квасить «ридну горилку», закусывая ее шма-том сала...

Пожалуй, именно внешность сослужила Митрофану плохую службу, ведь были в их отделе и другие «ко», был майор Ткаченко, лейтенант Михеенко, но тех не держали за «салолюбов», потому что оба имели вполне обычные среднерусские лица, зато Голушко выглядел точно как казак с картины Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану»: лысый, как коленка, краснолицый, с вис-

лыми усами (сколько он ни пытался их подкручивать, они все равно опускались к подбородку) и толстыми лоснящимися щеками. К тому же был он высок, мясист, большерук, а из-под его брючного ремня вываливалось круглое пивное брюхо.

Фамилия старшему следователю досталась от отца, а внешность, наверное, от анонимной матери (потому что Митрофан маму ни разу не видел, а его папаша Василий Дмитрич ее плохо помнил). Лучше бы было наоборот, так как его батя в свои шестьдесят восемь был строен, гладок, симпатичен, имел вполне приличный чуб и еще различные кубики на животе. И это при том, что старший Голушко всю жизнь пил, курил, передал, спал с кем ни попадя (из-за чего неоднократно лечился у врача-венеролога), играл в азартные игры (за это пришлось даже посидеть), дрался. Короче, не щадил ни душу, ни печень. И каков результат? Василий выглядит, как английский аристократ в десятом колене, а непьющий, некурящий Митрофан похож на заправского алконавта с глухого украинского хутора! Обиднее всего, что Василий нисколько не заботится ни о фигуре, ни о здоровье: может выдуть пять бутылок «Балтики» за раз, слопать блюдо с шашлыком, уговорить вечерком коробку конфет, но у него кубики на животе и давление, как у космонавта, а у сына пивное брюхо и гипертония!

Нет, жаль, что Митрофан пошел не в отца, очень жаль!

Примерно такие мысли одолевали старшего следователя Голушка за завтраком. Завтракал Митрофан в своем кабинете, так как дома спокойно поесть не получалось — именно по утрам отец любил лезть к сыну с советами по поводу и без, что очень мешало пищеварительному процессу. Обычно утренняя трапеза Митрофана состояла из пары бутербродов с сыром и маслом, но сегодня он изменил себе — съел три куса «Рокфора» без хлеба, потому

что сыр с плесенью не нуждается в компаньонах: батон и масло только портят его вкус.

Голушко доделал второй кусок, когда дверь приоткрылась и в проеме показалась раскрасневшаяся от быстрого бега физиономия старшего опера Лешки Смирнова.

— Сало ешь? — хмыкнул он, мазнув взглядом по застывшему у Митрофанова рта куску сыра. — И без хлеба! Ну ты, хохол, даешь!

— Это сыр, — прорычал Голушко, пряча «Рокфор» в салфетку. — Я сто раз говорил, что не ем сала!

Смирнов мерзко хихикнул, из чего Митрофан сделал вывод, что его словам никто не верит, и уже другим тоном сказал:

— У нас свежий трупак! Через пять минут выезжаем. Если поторопишься... — он показал глазами на салфетку, — доесть са... в смысле, сыр, то успеешь с нами.

— Чей труп? Где?

— Женский. В квартире... — Смирнов начал нетерпеливо бить копытом (стоптанным башмаком) землю (драный линолеум). — Давай, короче! А то уедем без тебя, добирайся потом как хочешь — бензина выдали только на один рейс.

— Кто сообщил о трупе?

— Соседка сверху. Спускалась, увидела, что дверь приоткрыта, вошла... Ну а дальше сам догадайся!

Митрофан кивнул, догадался: соседка нашла хозяйку квартиры мертвой, после чего позвонила в милицию.

— Застрелена, задушена, зарезана или еще что? — спросил на ходу Голушко — он уже направлялся к двери.

— Труп до подбородка прикрыт простыней. На простыне кровавые пятна, так что может быть все что угодно... — Лешка дурашливо подмигнул. — Вплоть до расчлененки.

Голушко тяжело вздохнул — только расчлененки ему в

этом месяце не хватало! Мало двух поножовщин, трех перстрелок, шести драк со смертельным исходом и одной заказухи!

— Не парься, Митюша, — подбодрил товарища Смирнов. — Наверняка банальный огнестрел... Деваха-то наша, знаешь, в каком районе обнаружена?

— Неужто в «Берегах мечты»? — предположил Голушко, назвав самый фешенебельный район города.

— Ну это ты загнул... Тогда бы нас не соседи, а их секьюрити вызывали... Она на Александровском спуске жила. Бывший Дом работников искусств рядом с церковью знаешь?

Митрофан знал — это был старинный трехэтажный особняк, очень красивый, еще крепкий, квартиры в нем стоили безумно дорого, но покупатели на них всегда находились, потому что таких высоких потолков с отлично сохранившейся лепниной, такого красивого дубового паркета, таких широких мраморных подоконников не было ни в одном другом доме города.

— Из «новых русских» дамочка, — сделал вывод Голушко.

— Актрисулька, наверное, или моделька, ты же знаешь, как любит богема этот дом, к тому же соседка ее красавицей называла. — Смирнов хлопнул Митрофана по мясистой спине. — Прикинь, Митюня, какое нам счастье привалило — на настоящую модель посмотреть... Пусть даже и на мертвую.

Митрофан скривился — такого «счастья» он не пожелал бы никому. Сам он больше десяти лет на «жмуриков» смотрит, казалось бы, должен привыкнуть, но всякий раз при виде убитого человека его мутит — уж больно жуткое зрелище. Конечно, мертвых моделей ему видеть не приходилось, все больше бандиты да пьянь, но Голушко был уверен, что смерть уродует даже самые красивые лица, а но-

жевые или огнестрельные раны обезображивают самые совершенные тела...

В ошибочности своего мнения Митрофан убедился сразу же, как только увидел убитую. Она была прекрасна! Фарфоровое личико с тонким носиком, изящным подбородком, пухлым ртом, в ореоле длинных, рассыпавшихся по подушке, золотых волос. Ее безупречные черты не исказились, не заострились, как у всех виденных до этого покойников, девушка выглядела безмятежной, умиротворенной и совсем не походила на мертвую, скорее на спящую — на Спящую красавицу из сказки, только хрустального гроба не хватало...

— Точно модель, — прошептал Смирнов, замороженно глядя на безупречное мертвое лицо. — Супермодель.

— Красивая, — согласился Митрофан. — Кто такая?

— Харитоновна Людмила Ильинична, двадцать семь... Умерла, что называется, во цвете лет...

Голушко приспустил простыню, обнажив роскошный бюст покойницы и две огнестрельные раны: одну под правой грудью, другую под ключицей. На раны смотреть было страшно, а на грудь стыдно, поэтому Митрофан отвернулся.

— Я ж тебе говорил, огнестрел, — сказал Смирнов, оценивающе уставившись на бюст покойницы. — Размер третий, не меньше. — Потом потрогал левую грудь, помял ее пальцами и добавил: — Силиконовая.

Голушко шлепнул Леху по руке и отошел от противоястественно красивого трупа в другой конец комнаты — он увидел на кресле маленькие, размера двадцатого, джинсики.

— У нее есть ребенок? — спросил он, рассматривая их.

— В паспорте отметок нет.

— На няню она вроде не похожа... — Голушко оглядел

ся, увидел на полу крошечную дамскую туфельку и добавил задумчиво: — Но ребенок в ее доме бывал...

— Может, племянку приводила? Или фетиш у нее такой — детская одежка.

— Дурак ты, Леха.

— Че это? Я про них, моделей, и не такое читал...

Произнеся эти слова, Леха замер с открытым ртом возле картины, висящей над кроватью. На ней была изображена хозяйка квартиры (она же жертва). Художник явно не собирался оригинальничать, содрав сюжет у гениального Боттичелли, то есть на его полотне девушка стояла в той же позе (стыдливо прикрывала лобок рукой), что и Венера итальянского живописца, ее волосы так же трепал ветер, а ступни омывали волны. Единственное, что отличало красавицу эпохи Раннего Возрождения от современной, так это выражение лица: у той оно было одухотворенное, у этой похотливое.

«Как жаль, — подумал Митрофан, — что за несколько веков женщины так сильно изменились. Из символов чистоты превратились в символы низменных страстей и желаний».

«Как жаль, — подумал Леха, — что во времена Боттичелли еще не изобрели силикон. Иначе его Венера смотрелась бы нисколько не хуже этой...»

Тут в комнату, бренча допотопными «Зенитами», ввалился фотограф Игорь Иванович Зарубин. Поздоровавшись с Голушко и Смирновым кивком головы, он прямой наводкой направился к труп.

— Трогали чего? — спросил он, вскидывая фотоаппарат.

— Простынку немного приспустили, — отпарторовал Смирнов.

— На сиськи посмотреть не терпелось?

— На раны, старый ты извращенец!